

НИЗАМИ ТАГИСОЙ

Инсинуации вокруг происхождения и принадлежности Низами Гянджеви к азербайджанской литературе

Когда речь заходит о Низами Гянджеви, некоторые высказывают мнение о том, что он не является представителем азербайджанской литературы. Это, конечно, удивляет многих маститых низамиведов.

Так, например, некоторые представители лезгинской литературы полагают, что Низами принадлежит не азербайджанской, а лезгинской литературе. Итак, обо всём по порядку. Лезгинский поэт и прозаик, автор книги «История лезгин» (*так он себя представляет – Н.Т.*), уроженец Гусарского района Азербайджана Забит Ризванов в начале 90-х годов особо активизировал свою деятельность как новоявленный специалист по творчеству Низами Гянджеви. В «Лезгинском историческом портале» была представлена его статья, посвящённая происхождению Низами Гянджеви. Посчитав, что многочисленные средневековые тезкире (записи), различного рода антологии, составленные после смерти Низами Гянджеви, не осветили полностью все детали его биографии, З.Ризванов, стремясь к выяснению национальной принадлежности Низами, пришел к мнению, что, оказывается, по сей день не удалось выработать мало-мальски достоверную версию по этому вопросу. Относительно места рождения Низами Гянджеви З.Ризванов пишет следующее: «Одни утверждают, что поэт родился в иранском городе Кум, другие говорят, что его родина – средневековый ширванский город Кум (ныне в Гахском районе Азерб ССР). Третьи отвергают эти версии и выдвигают свои – **мол** (*выделено нами – Н.Т.*), Низами не родился в городе Гянджа». Цитируя строки Низами: «Хотя я, как жемчужина, потерян в Гяндже. Родина моя – горной области город Кум», автор заявляет, что «если поэт родился в иранском Куме, то он поэт персидский». Странное заключение?! Хочется напомнить, что в настоящее время в Иране живёт более 35 миллионов азербайджанцев. И эти люди называют себя азербайджанцами, или тюрками.

Ныне многие литературоведы отвергают обе версии и считают, что приведённые выше стихи вставлены в поэму поэта после его смерти.

В то же время в «Искендернаме» Низами читаем:

***Все, что сделал в Гяндже я, не знающий лжи,
Воры шлют в Бухару. Их товар из Гянджи.***

***...Коль не крикнет хозяин про дерзкие кражи –
Сбережёт ли свой склад он от собственной стражи?***

***Но довольно! Напрасны и крик мой, и вздох.
Время всё разберёт – кто хорош, а кто плох.***

Думается, что самый верный ответ оппонентам даёт первое приведённое нами двустишие из поэмы «Искендернаме». К тому же Е.Бертельс в своей книге относительно данного вопроса указывает, что о Гяндже писали не только как о прекраснейшем городе Закавказья, но и всего Переднего Востока. К началу XIII века сила города умножилась настолько, что монголы, подойдя к Гяндже, не решились напасть на прекрасно защищённый город и удовольствовались откупом деньгами и шелковыми тканями...

Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о ведущей роли Гянджи XII в. в культурной жизни Азербайджана. Понятно, что она стала родиной поэта, имеющего право на одно из почётных мест в истории мировой литературы – гениального Низами.

Другой лезгинский «низамивед» Арбен Кардаш пишет, что в эпоху Низами в Гяндже не было тюрок.

На этот счёт А.Крымский отмечает следующее: *«На равнинах новозавоеванной Малой Азии, равно как в Южном Азербайджане, нашлись привольные пастбища для желавшей кочевать орды!.. Этим было положено начало... земскому отуречиванию этих краев».*

Далее А.Крымский добавляет, что имеются более ранние сведения насчёт отуречивания области Аррана XII в. с городом Гянджа, где жил Низами.

Тогда как многие низамиведы (в их числе следует называть в первую очередь самих иранских литературоведов – **Н.Т.**) давно установили настоящее место рождения поэта и его принадлежность к тюркам, а именно – к азербайджанским тюркам, З.Ризванов, не имея соответствующего представления о данном вопросе, продолжает «углубляться в тему» и отмечает, что мать Низами происходила из знаменитого курдского рода. В поддержку развития «своей мысли» З.Ризванов пишет: «Если мать поэта происходит из влиятельного рода, значит и замуж её должны были отдать за знатного человека». З.Ризванов считает, что ещё очень «важное открытие».

Однако не надо при этом забывать, что дед поэта Муайяд Зеки тоже был состоятельным знатым человеком. Муайяд Зеки и женил своего сына Юсифа (отца Низами) на сестре знатного курда Хаджи-Омара из Гянджи.

Приводя полное имя Низами, А.Е.Крымский называет его «шейх Низамаддин Абу Мохаммад Ильяс ибн Юсуф ибн Заки ибн Муаййад Гянджави» (у него именно Гянджави – **Н.Т.**) и указывает, что Низами – лучший романтический (точнее, суфийско-романтический) азербайджанский поэт, непрекращающийся источник подражаний для последующей персидской романтики, в высшей степени любимый первообраз и для представителей тюркоязычных литератур, гениальный поэт мирового значения.

Прямо в начале своей монографии А.Крымский говорит и о грубых искажениях исторических данных, что, по его мнению, продолжалось чуть ли не три столетия спустя после смерти Низами. Это глава в три страницы, которую среднеазиатец из Самарканда Даулатшах (XV в.) отвёл Низами в своём антологическом компилятивном своде поэтических биографий «Тазкират аш-шуара» («Памятная записка о стихотворцах», соч. 1487 год). Несмотря на некоторую поверхностность статьи Даулатшаха, в то же время А.Крымский считает, что там имеются ценные указания о принадлежности Низами к братству «ахи» – трудовому цеховому ордену.

Здесь же А.Крымский подчеркивает: *«Поразительно, что ни один западноевропейский исследователь не придал значения этому первостепенной важности факту, дающему ключ к пониманию общественных настроений поэта».*

Относительно правописания псевдонима Низами следует отметить, что в рукописи тахаллусы арабских и персидских поэтов Низами, Мутанабби и т.п. всюду даются как Низамий, Мутанаббий, т.е. в соответствии с их этимологией и произношением парабаски. На это специально обратил внимание А.Крымский. Он, отказываясь от арабского окончания «ий», принимал во внимание то, что тахаллусы в русской научной литературе утвердились в форме Низами, Мутанабби.

Лезгинский «учёный» З.Ризванов, к которому впоследствии примкнул и А.Кардаш, настоятельно отмечают, что Низами – не из азербайджанского города Гянджа. Он из иранского города Кум, или средневекового ширванского города Кум – ныне Гахский район Азербайджанской ССР (статья З.Ризванова датируется 1992 г. – **Н.Т.**), или из селения Кипчак (Капцах) в Магерамкентском районе Дагестана.

Для уточнения этих вопросов было бы интересно обратиться к мыслям академика Гамида Араслы: «После появления «Хосрова и Ширин» о славе Низами стало известно во всех шахских дворцах. В то же время после представления этого сочинения дворцу Джахан Пехливан умер. Вскоре после того, как Кызыл Арслан взял власть Атабеков в свои руки вместо брата, для того, чтобы Кызыл Арслану увидеть поэта, он тронулся в путь в Гянджу. Они встретились в 30 километрах от Гянджи. Описывая эту встречу, поэт потом добавил её в поэму «Хосров и Ширин».

Забит Ризванов и Арбен Кардаш утверждают, что оттого, что Низами писал свои сочинения на фарси, он является персидским поэтом.

Принимая во внимание это обстоятельство, Г.Араслы писал: «Несмотря на то, что Низами писал свои произведения на персидском языке, он всегда мыслил как азербайджанец, свои образные выражения всегда брал из живого народного языка». Для подтверждения своих мыслей Г.Араслы далее пишет: «Неслучайно, что когда персы ведут речь о стихах Низами и Хагани, они говорят, «buyi-türk miayəd», т.е. здесь «тюрком пахнет».

Интересна и такая мысль Г.Араслы: «Начиная с XII по XX век, сочинения Низами в значительной степени повлияли как на всех азербайджанских поэтов, так и на поэтов Востока – Хосрова Дехлеви, Джами, Хатифи, Навои, Мектеби, Амири, Наими, Хилали, Фейзи, Абди, Ахмеди, Шейхи, Хамди, Джалили и других. Под влиянием гения Низами, они создавали на тему «Хамсе» свои поэмы. Многие из них, начиная свои произведения с имени Низами, его же именем заканчивали их».

Интересно и следующая мысль Г.Араслы. Великий Байрон «Лейли и Меджнуна» называет «Ромео и Джульеттой» Востока. Однако по мнению Г.Араслы, на самом деле трагедия «Ромео и Джульетта» должна называться «Лейли и Меджнуном» Запада».

З.Ризванов не останавливается в своих стараниях, идёт всё дальше и дальше. «Курды вокруг Гянджи, – пишет автор, – несомненно, пришлый элемент. Но ведь кто-то на этих землях жил до курдов! Что же это за люди и на каком языке они говорили?» И здесь З.Ризванов ссылается на академика А.Крымского, который утверждал, что население на обоих берегах реки Куры говорило на своём, старинном, особом языке – арранском. И, оказывается, язык этот принадлежал к восточной группе северо-кавказских языков (по желанию З.Ризванова – к лезгинскому языку – **Н.Т.**).

Если Забит Ризванов знаком с книгой А.Крымского, то он должно быть читал там и такие мысли этого крупного историка литературы: «Надо твёрдо сознавать и признать: азербайджанец Низами, конечно, есть родной азербайджанский поэт, которым Азербайджан может по праву гордиться, но он же есть гордость и украшение также иранской литературы, которая ни в коем случае не может исключить его из своих рядов..., несмотря на его «азербайджанизм» и «тюркообразность».

Под сомнение берёт Х.Ризванов, как мы выше заметили, и сам город Гянджа.

По этому поводу крупный низамивед Е.Бертельс пишет: «Город Гянджа, являющийся родиной поэта, был основан при арабах между 845 – 853/4 гг., но название своё получил от Ганзака, столицы Азербайджана до арабского завоевания... В начале XII в. она по-прежнему оставалась столицей Азербайджана». Продолжая свою мысль, Е.Бертельс далее отмечал: «О Гяндже Низами в своих произведениях упоминает весьма часто, его «нисба», т.е. прозвище, указывающее на происхождение, всеми лучшими источниками указывается в форме Гянджеви, т.е. Гянджинский».

Но Забит Ризванов никак не может воспринимать тюркские корни Низами. И здесь для утверждения своих последующих мыслей «исследователь» обращается к отдельным отрывкам из поэмы «Лейли и Меджнун» и утверждает, что Ширваншах, которому была посвящена поэма «Лейли и Меджнун», считал себя принадлежавшим к среде персидской аристократии. И что двор Ширваншахов непричастен к тюркским нравам. Заметим, что З.Ризванов во всех случаях ведёт себя как не знающий и не понимающий историю, исторические реалии, арабское и персидское завоевание на

Южном Кавказе, оказывающее значительное влияние на историко-этническую и культурно-языковую ситуацию региона. Именно не владея описываемой и анализируемой обстановкой и эпохой, З.Ризванов в конце материала приходит к такому заключению: «Вот почему... Низами Гянджеви не был тюрком по национальности».

В «Антологии азербайджанской поэзии» (М.: Художественная литература, 1939) говорится, что одну из лучших своих поэм, «Лейли и Меджнун», Низами намеревался писать не на фарси, а на азербайджанском языке. В начале поэмы Низами объясняет причину создания «Лейли и Меджнуна». И отмечает, как его желанию помешало появление посланца шаха с письмом, в котором он требовал от поэта создания новой поэмы, поставив условием – писать её только на фарсидском языке.

«О, мой верный раб, – писал шах в своём послании поэту, – о, Низами, волшебник мира слов. Дуновением утреннего ветерка покажи свои чары, своё волшебство слов. Выяви всё, что можешь, в чудесном искусстве речи. Я хотел бы, чтобы ты воспел в словах, как жемчуг, любовь Меджнуна. Если можешь, и ты скажи несколько девственных слов, чистых, как невинность Лейли, чтобы я прочёл и подтвердил их сладость и, кивая головой, указал бы на них, как на корону... Укрась ты невесту юную фарсидскими и арабскими украшениями.

Ты знаешь, я смыслю в речи, я различаю новые бейты от старых, но знай, что если жемчуг, нанизанный тобой на нить с кольца дум, будет носить образы тюркские, это для нас не годится, ибо тюркообразность недостойна нас. Лица, стоящие высоко, достойны высокой речи».

Это послание разрушило все мечты Низами. «Волнение охватило мое сердце и мое сознание». У меня не было сил отвергнуть это слово, и не было у меня также глаз, чтобы найти путь к сокровищнице. Огорчение охватило меня. Не было у меня друга, чтобы поведать о тайне своей – желании рассказать эту повесть».

А вот поэтическое переложение этих мыслей в переводе П.Антокольского во «Вступлении к поэме «Лейли и Меджнун», помещённом в «Антологии азербайджанской поэзии»:

***«О друг и брат, ближайший меж людьми!
Словесных дел волшебник Низами!
Проснись, восстань от сладостного сна.
Яви нам чудо. Мощь тебе дана,
Чтобы на арене слова своего
Нам доказать благое мастерство.
Хотим, чтоб в честь меджнуновой любви
Гранил, как жемчуг, ты слова свои,
Чтобы Лейли невинность обретя,
Ты был в реченьях свежим, как дитя.
...Как некий шах в чертоге слов твоих.
Так не желей рассыпать щедро их.
Арабской ли, фарсидской ли фатой
Украсишь прелесть новобрачной той.
Знай, что с твоим твореньем, Низами,
Знакомились мы прежде. Но пойми,
...Нам не приличен тюркский твой язык,
Наш двор к простецким нравам не привык.
Раз мы знатны и саном высоки,
Высокие да слышим языки!»
Прочёл я... Кровь мне бросилась в лицо.
Так значит, в ухе рабское кольцо!
И не поднять из мрака мне чела,
И на глазах как пелена легла,***

**И не найти сокровищ золотых...
И замер я, и ослабел, затих...
...Вновь дополнять творенье смысла нет.
И рядом сын любимый Мохаммед,
Что дорог моей жизни, как душа,
В руках ту книгу тюркскую держа,
Как тень моя скользкая, был тих.
Он подошёл и сел у ног моих.
И говорит: «Не раз ты мяч бросал,
«Хосрова и Ширин» недаром написал.
Сердца людей ещё повесели
И напиши «Меджнуна и Лейли»,
Чтоб две поэмы были двойники,
Он – Ширваншах. Вы оба высоки.
Твоё владенье – не Ширван, а мир.
Но он знаток, он знатен, он кумир,
Он требует наряднее прикрас,
Садись, пиши, как ты писал не раз».**

(«Антология азербайджанской поэзии». М., 1939, с. 23 – 24).

Как явствует из приведённого отрывка, Низами очень расстроился, оттого что поэму ему надо было писать не на тюркском, а на арабском или фарсидском. Из текста даже становится ясно, что поэма фактически была готова. Об этом свидетельствуют следующие строки: «*И рядом сын любимый Мохаммед, | Что дорог моей жизни, как душа, | В руках ту книгу тюркскую держа*».

Неужели всего этого недостаточно для тех, кто считает Низами не тюркским, а персидским или лезгинским поэтом?!

Когда мы знакомимся с поэмой «Искендернаме», видим, что в ней особое место занимают, наряду с другими образами и городами, образ Нушабы и описания городов Гянджи и Барды.

О Гяндже мы уже говорили.

Теперь выскажемся о Нушабе и Барде. Нушаба, как правительница Барды, являясь примером и символом красоты, в то же время и показана весьма отважной женщиной. Барда же описывается поэтом как райский уголок, где имеются богатые луга, живительные травы, бескрайние сады и зеленые поля.

Вот какими богатыми художественными средствами Низами описывает Барду:

**Так прекрасна Барда, что январь, как и май,
Для пределов её – расцветающий край.
...Там меж роц благовонных снует ветерок;
Их Кура огибает, как райский поток.
...Там в богатых лугах и под сенью дубрав –
Круглый год благовонье живительных трав,
...Там дождём золотым нивам зреющим дан
Отблеск золота; блещут они, как шафран.
...Но Барда ниспровергнута. Ветра рука
Унесла из неё и парчу, и шелка.
...Да, коль шах обратит взор свой к этому лону,
Вновь он даст украшения древнему трону.
Этот край прозывался Харумом, потом
Был Бардою учителем назван...**

Далее он ведёт речь как о знаменитом «Белом саде» города Барды, который славился своей красотой, и рассказывает о характере Нушабы:

***...Воцарилась в стране, что прекраснее рая,
Нушабе: за отрадною чашей вина
Круглый год, веселясь, проводила она.
Непорочной газелью бродя по долинам,
Красотою была она схожа с павлином.
И была она, славой сияя большой,
Что мудрец – благоденствием, что ангел – душой.
...Только жёны вели её царства дела,
И к мужам благосклонной она не была.
...Но приказ Нушабе исполняя любой,
За неё они всюду вступили бы в бой.***

Это отрывки из поэмы Низами «Искендернаме». Однако лезгинский «ученый» А.Кардаш считает, что темы, мотивы, сюжеты, образы и герои поэм Низами никакого отношения к Азербайджану не имеют.

Тогда сошлёмся на Гафара Кендли, который, опираясь на соответствующие источники, установил, что поэма «Хосров и Ширин» основана на темах, взятых из исторического прошлого Азербайджана... В этой поэме с большим мастерством описаны отдельные стороны культурной жизни азербайджанского народа – как оседлой, так и кочевой его части.

Сюжет «Хадиси Хосров и Ширин» с древних времён был известен в Азербайджане, и при его создании Низами опирался на единственную рукопись, написанную в годы огнепоклонничества и хранившуюся в Барде. Низами сам указывает на то, что информацию о копии этой рукописи, сохранённой в Барде, передали ему пожилые люди, о которых повествует одна из историй в поэме Низами. И он, воодушевляясь этой рукописью, начал писать поэму.

Глубокое ознакомление с данной поэмой утверждает мысль о том, что нашённые в произведении географическая среда, топонимика и многое другое однозначно указывают на нерасторжимые связи «Хосрова и Ширин» с Азербайджаном и с азербайджанской историко-культурной средой.

Арбен Кардаш, как «крупный» лезгинский поэт, прозаик, драматург и переводчик, литературовед (так, во всяком случае, представлен он в Википедии), выступивший со статьей «Ещё раз о национальной принадлежности Низами Гянджеви» в печатном органе Международного сообщества писательских союзов (бывшего Союза писателей СССР) – в общеписательской литературной газете в 5-ом и 6-ом номерах – так начинает своё вступление к материалу: «Вопрос о национальной принадлежности Низами Гянджеви (1140 – 1202) возник в конце 30-х годов прошлого века. До этого его было принято считать персидским поэтом, поскольку он писал свои творения на языке фарси. Такого же мнения придерживался и известный ориенталист XIX в. М.Казем-бек, азербайджанец по национальности». Видимо, А.Кардашу неизвестно, что со времён Мирзы Казем-бека прошло более 150 лет. С того времени утекло воды немало, и последующие исследования авторитетных низамиведов доказали, что Низами – представитель азербайджанской литературы.

А.Кардаш считает, что «азербайджанские исследователи воспрянули духом, подхватив из рук самого Сталина эстафету «тюркизации» Низами Гянджеви: «Азербайджанские исследователи местом рождения Низами называют Гянджу, что и позволяет им считать поэта тюрком, основываясь на предполагаемом превалянии тюркского элемента в этом многонациональном городе, хотя присутствие в XII веке тюрков в Гяндже – вопрос пока ещё недоказанный».

Здесь мы далеки от намерения азербайджанизировать Низами – это давным-давно сделано крупными исследователями. Однако вызывает сожаление и тот факт, что А.Кардаш здесь же обращается к академику З.М.Буниятову не как к азербайджанскому учёному, а как к талышскому учёному, что тоже само по себе вызывает недоумение. Далее он приводит мысль, что З.Буниятов отбрасывает происхождение Низами из иранского Кума и считает, что селение Кум существует в Гахском районе.

По А.Кардашу, будто бы и эта версия не устраивала сторонников тюркского происхождения Низами только по той причине, что в этом селении Азербайджана испокон веков жили и живут лезгины и цахуры, являющиеся представителями лезгинской группы языков.

А.Кардаш, «углубляясь» в суть вопроса, напоминает и о том, что «Гянджа» происходит от арабского «Джанза» и означает «казна». А слово «жемчужина» по-персидски звучит как «кум».

Лезгинский «учёный» считает: «Низами – тонкий мастер развёрнутых метафор – наряду с персидским значением этого слова (т.е. слово «Кум» – **Н.Т.**), обыгрывал значение и лезгинского слова «Кум» – «утёс», говоря тем самым, что он осколок «утёса», ставший жемчужиной в «море Гянджи».

Наряду с отмеченным, А.Кардаш «Гянджеви» называет приставкой к имени поэта и пишет, что её добавили переписчики и читатели, а не сам Низами». Далее А.Кардаш особо останавливается на том, что Низами в Иране принадлежал к суннитской ветви ислама, о чём не любят упоминать азербайджанские учёные. «Кампанию за безоговорочную принадлежность Низами Ирану в Азербайджане подняли только в 40-е годы прошлого столетия, накануне юбилея поэта, когда он по-царски был «подарен» И.В.Сталиным азербайджанскому народу».

И ещё одно важное «открытие» А.Кардаша: «Суннитская репутация Низами отдаляет его и от принадлежности к тюркскому этносу, так как азербайджанцы также в своём основном большинстве являются шиитами». Дальше, как говорится, ещё больше: «И если в этом народе были и есть последователи суннизма, то это, несомненно, представители коренных народов Кавказа, подвергшиеся насильственной тюркской ассимиляции».

Видимо, А.Кардаш вообще не имеет никакого, даже самого поверхностного представления о том, что в Азербайджане испокон веков отсутствовало правило делить людей по этническому, религиозному, национальному и по другим признакам и подвергать их гонению и преследованию. Азербайджан – уникальный уголок мира, где никогда данный вопрос не ставился на повестку дня. А если происходили какие-то попытки в этом роде, то это было дело рук как раз таких, как Забит Ризванов, Арбен Кардаш и им подобные, склонные разжигать межэтническую и межнациональную рознь.

По мнению А.Кардаша, оказывается, «в своей истории лезгины многократно пытались вернуть Гяндже и некоторым другим городам суннитскую репутацию». И, как пример, он говорит о военных выступлениях южных (гахских, джарских, губинских и др.) лезгин во главе с Хаджи Даудом или Али Султаном в начале XVIII в.

Для того, чтобы отнять Низами у азербайджанского народа и азербайджанской литературы, Арбен Кардаш и ему подобные прилагают максимум усилий, стремясь указать на принадлежность Низами или к персидской поэзии, к Ирану, или же к лезгинской литературе, к лезгинам.

Очевидно эти псевдоучёные не знакомы с целой массой литературоведческих работ, появившихся как в Азербайджане и Иране, так и далеко за их пределами, где давно установлен факт принадлежности Низами Гянджеви к Азербайджану и азербайджанской литературе.

Заметим, что ещё в 2011 году, когда «работа» А.Кардаша была напечатана в двух номерах вышеназванной «Общеписательской Литературной газеты», № 5-6) от-

носителем этой статьи появился довольно объективный ответ тогдашнего директора Института литературы им. Низами Гянджеви Национальной Академии Наук Азербайджана покойного академика Бекира Набиева «Похищение Низами, или очередной рецидив «тюркофобии». Говоря об основной «философии» статьи А.Кардаша, Б.Набиев подверг резкой критике попытку А.Кардаша «отредактировать» биографию Низами Гянджеви и подвести легковверного читателя к мысли о его «лезгинском» происхождении.

Здесь же хотим довести до сведения Арбена Кардаша и то, что в эпоху Низами такие понятия, как «этнос», «народ», «нация» вообще не имели такого смысла, какой вкладывают в него в современный период.

В то же время не вызывает сомнений тот факт, что Низами родился и рос именно в социальной среде древнего азербайджанского города Гянджа. Будучи в такой социальной среде, наряду с родным тюркским, он, безусловно, в совершенстве владел арабским и персидским языками. Исходя из этих и других посылок, профессор Берлинского университета имени Гумбольдта Ева Мария Аух приходит к мнению, что «свидетельство о принадлежности Низами к азербайджанской нации в том, что этика, философия произведений поэта, его крылатые фразы стали частью азербайджанской культуры».

Кстати, подобного рода выходки представителей соседних нам народов нас не очень-то смущают.

Так, например, в 2006 году посол Иранской Исламской Республики в Азербайджане Афшар Сулеймани безоговорочно приписал Низами Гянджеви к своей стране – Ирану – и её титульному этносу. Не довольствуясь этим, посол заодно отказал и в праве называть яркого представителя азербайджанской поэзии второй половины XX века Шахрияра азербайджанским поэтом. Однако всем хорошо ясен истинный смысл политических заявлений А.Сулеймани: весь характер его риторики, подтекст подобных высказываний основаны на желании доказать исключительную принадлежность Низами (и Шахрияра) Ирану.

Такие не имеющие под собой сколько-нибудь конкретной основы заявления, которые делаются с целью присвоения культурно-исторического наследия Азербайджана иранскими и армянскими правительствами, официальными лицами и лжеучеными, дело, конечно, нередкое. Теперь к ним усиленно желают примкнуть наши близкие соседи – представители лезгинской культуры.

Не говоря о чём-либо другом, хочется сказать этому Арбену, «крупному знаку» творчества Низами и его исторической эпохи, что сама фамилия «Кардаш» тоже тюркского, азербайджанского происхождения. Неужели этот «учёный» не думает о том, что его предки – лезгины – на протяжении длительной истории тесно были связаны с Азербайджаном и азербайджанцами. Кардаш относительно принадлежности Низами не к азербайджанской литературе муссирует его суннитскую приверженность. Б.Набиев напоминает ему, что наряду с Абубекром Омаром и Османом, Низами высокоуважительно поминает и имама Али.

Что мешает А.Кардашу считаться с мнением авторитетных учёных, которые без каких-либо сомнений признали Низами азербайджанским поэтом? Неужели А.Кардашу кажется, что он больше других низамиведов, в том числе и Фиридун-бека Ке-чарли, знает о Низами и поэтому старается неграмотно «отредактировать» его? Удивляясь «открытиям» А.Кардаша, Бекир Набиев всё же считал необходимым довести до сведения этого «крупного поборника лезгинской культуры» мысль о том, что да, Низами однозначно принадлежит к тюркскому этносу.

3. Ризванов и А. Кардаш апеллируют к тому, что мать Низами была курдянкой. В поэме «Лейли и Меджнун» Низами отмечает, что его мать имеет курдское происхождение, а в поэме «Хосров и Ширин» он именуется тюркским словом «икдиш», то есть «метис», тем самым Низами ставит акцент на своих тюркских корнях.

Так же, как и многие современные литературоведы, Бекир Набиев правильно считает, что Низами – не персидский и иранский поэт, а азербайджанский. Здесь можно сослаться и на Арифа Гаджиева, отмечавшего, что в романтическом мире «Хамсе» имеется поэтический образ тюркской жизни, вернее – поэтические картины тюркского образа жизни. В идейно-художественных контекстах «Хамсе» тюрков, тюрчанка, вообще все тюркское становится ассоциативно-многослойным явлением. Довольно часто «тюрк» ассоциируется с белым цветом.

Исследователь творчества Низами и автор филологического перевода поэмы «Лейли и Меджнун» Рустам Алиев в связи с этим пишет: *«В словаре Низами одно из широко распространённых значений слова тюрк – «белая – белый», «красивая – красивый», «изящная – изящный» и т.д. В подобных значениях это слово употреблялось и до Низами. Однако Низами расширил диапазон этих значений, он стал употреблять их не только для обозначения белизны и красоты людей, но и для выражения абстрактной, субстантивизированной красоты и белизны».*

Казалось бы, приведенные источники и примеры достаточно известны и позволяют бесспорно причислить Низами к азербайджанской культуре и литературе.

В то же время для интересующихся творчеством Низами напомним, что в наши дни одной из работ в этой области является защищённая в Азербайджане в 2017 г. диссертация доктора философии по филологии Мирфиридуна Сейидрустам оглу Риязи, выходца из Ирана.

Хотелось бы остановиться на некоторых моментах из работы этого ученого. Объектом исследования является «Низами Гянджеви в современном иранском литературоведении».

Значимость этого исследования заключается в том, что её автор умеет работать с первоисточниками. Используя в своём исследовании искания целой плеяды иранских литературоведов, таких, как Вахид Дастгарди, Абдулгусейн Зарринкуб, Саид Нафиси, Мохаммед Моин, М.Тарбият, Хосейн Элахи Гумшеи, Забихолла Сафа, Шафак Резазаде и многих других, изучавших отдельные вопросы низамиведения, анализируя их критические работы, Мирфиридуна Риязи приходит к выводу о том, что, несмотря на то, что Низами писал свои произведения на фарси, однако в манере и стиле письма произведений, языке и стилистике, использованные поэтом фразы, слова и словосочетания, выражения и т.д. однозначно доказывают, что, будучи персоязычным, Низами является поэтом тюркским. При утверждении этой мысли автор ссылается на взгляды иранского учёного Шафака Резазаде, нашедшие место в его монографии «История литературы» («Tarixе әdəbiyyat»), где отмечается следующее: «Низами Гянджеви привнёс в персидский язык, в отличие от других стилей, совершенно новый стиль, что называется азербайджанским стилем».

Как отмечает автор М.Риязи, в современном иранском литературоведении учёными продолжительно отмечается, что, несмотря на то, что язык произведений Низами персидский, однако он сам – тюрк и гянджинец. Эти исследователи, как правило, в своих работах в подавляющем большинстве случаев имя Низами называют как «Низами Гянджеви, т.е. Низами из Гянджи».

Изучая Низами в иранском литературоведении, М.Риязи в то же время замечает, что на протяжении длительного времени учёные Ирана, принимая во внимание то обстоятельство, что поэт писал свои сочинения на фарси, называли его персидским автором. Они говорили о том, что он родился не в Гяндже, а в иранском городе Кум. В работе М.Риязи привлекается к себе внимание и тот факт, что автор достаточно компетентно останавливается и на многих просчётах иранских учёных, которые ошибочно полагали, что Низами – выходец из Кума. В данном случае учёный принимает во внимание весьма солидное мнение Вахида Дастгарди, писавшего: «Такое утверждение в подавляющем большинстве случаев опровергается как иранскими, так и зарубежными низамиведами».

Проведя в этой части скрупулёзные исследования, Мирфиридуну Риязи удалось доказать, что Низами является персоязычным тюркским поэтом. Свои суждения относительно того, что Низами персоязычный тюркский поэт, автор проводит в трёх взаимосвязанных и взаимообусловленных главах своей диссертации, таких, как «Основные направления нового периода в низамиведении» (здесь представлены разделы из истории низамиведения, жизнь и среда Низами Гянджеви в современных иранских исследованиях, высказывания иранских ученых о творчестве Низами Гянджеви), «Проблема Низами в иранских исследованиях» (где разбираются спорные вопросы, связанные с Низами Гянджеви в иранских исследованиях), «Хамсе» в иранских исследованиях», включающая в себе искания иранских учёных относительно поэм «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искендернаме».

Одним из важных моментов в исследовании М.Риязи, посвящённом Низами, является то, что учёный обращает внимание на спорные вопросы относительно жизни и творчества Низами Гянджеви.

Например, иранский историк литературы Забихолла Сафа в своей книге «История иранской литературы», основываясь на поэме «Сокровищница тайн», пишет: «Низами, будучи из Гянджи, будто ещё не дойдя до 40-летнего возраста, думал о старости. Если исходить из этой арифметики, то можно полагать, что дата его рождения – 1135 год (по хиджре 530 г.)». Другой крупный иранский учёный, Вахид Даггарди, которого мы выше цитировали, дату рождения Низами определяет между 1138 – 1145 гг. (по хиджре 533 – 540 гг.). Абдулгусейн Зарринкуб полагает, что Низами родился в 1148 г. (по хиджре 538 г.). Али Акбер Шахиби указывает на то, что Низами мог родиться между 1135 – 1140 годами (по хиджре 535 – 540 гг.). Выше цитируемый Забихолла Сафа относительно смерти Низами отмечает 1203 – 1205 годы (по хиджре 600 – 602 гг.). А Сеид Нафиси, исходя из предисловия к дивану Низами и основываясь на дате, высеченной на могиле поэта, указывает на то, что Низами ушёл из жизни в 1202 году (по хиджре 599 г.).

Как мы отмечали, в исследованиях иранских литературоведов споры относительно родины, имени, даты рождения и смерти, трудности языка, разнообразности и различия рукописей и т.д. и т.п. продолжались довольно длительное время.

Так, например, относительно места рождения Низами исследователь Зарринкуб пишет: «Низами родился в Арране, в очаге Гянджа, отнесение и принадлежность его к Гохестанскому региону в Куме – это фальсификация тезкиреистов». Почти аналогичную мысль высказывает Мохаммед Моин в книге «Исследование «Семи красавиц».

Нам кажется, что данная работа может считаться одной из наиболее важных, как относительно споров и разногласий о принадлежности Низами к азербайджанской литературе, так и для решения некоторых важных проблем по идейно-художественной сути «Хамсе».

Крупный иранский учёный Мохаммед Моин в своей статье «Кто такой Низами?» пишет: «Среди пяти крупных поэтов, создающих свои произведения на фарси, начиная с X в., с точки зрения уровня, после Фирдоуси, Саади, Мовлеви и Хафиза, Низами занимает высокую позицию».

Как мы заметили выше, немаловажное место в поэтическом языке Низами занимает образ тюрчанки-азербайджанки. Она – символ необычной, божественной красоты, неопишуемой прелести, грациозности, стройности и безупречной белизны. В то же время для поэта на первом месте целомудрие тюрчанок, их свободолюбие и преданность родному очагу.

Во вступительной части к поэме «Хосров и Ширин» Низами среди тюрков выделяет особое сословие «торкан-е галам», «тюрки пера», т.е. «пишущие тюрки», что в первую очередь может относиться к самому Низами, создававшему свои бессмертные сочинения.

А в эстетическом плане, как сказано выше, у Низами тюрк – символ нравственной белизны, духовной красоты человека. В «Хамсе» Низами тюрчанка – эстетический идеал женственности. Довольно многоупотребительным является у Низами слово «тюрк»: «жасмин – тюрк», «индус-тюрк», «тюрчанки с арабским станом – прекрасны», «черноокая тюрчанка», «узкоглазая тюрчанка», «нежнотелая тюрчанка», «кукла с глазами тюрчанки», «Тюркназ» (т.е. кокетливая тюрчанка), «тюрчанка-красавица», «Хатайская тюрчанка», «стал Хатайским тюрком», «Китайская тюрчанка из Тараза» и т.д. Ведь у Низами такие области, как Ягма, Хатан, Хутталь, или города Халлук, Тараз, Хата, Кашкар, Чач, Тамгач, Ваш – не вымышленные топонимы, созданные поэтическим воображением романтика, а исторически реальные области и города Тюркского каганата (по современной карте северо-западный Китай, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан). В «Искендернаме» изображается Искендер, прибывший через Тибет на «окраину Китая», т.е. в тюркский (уйгурский) район Китая. Искендер идёт на государя Хотана, а Хотан – столица китайских тюрков.

Низами в поэме «Хосров и Ширин» часто прославляет тюрков.

А в «Искендернаме» повествует не о китайцах, а о китайских тюрках, о тюркском мировоззрении, миропонимании.

И хотя поэма «Искендернаме» Низами посвящена Александру Македонскому, в то же время известно и то, что здесь Искендер далёк от своего реального прототипа, ибо здесь он выступает как восточный герой.

Что касается описания смерти Ширин, то Низами здесь проводит параллель с кончиной своей любимой жены, тюрчанки Афаг, и молит Аллаха уберечь своего сына-тюрка (тюркзаде).

Кроме этого, анализируя национальную принадлежность Ширин, в противовес мнениям некоторых учёных, называющих её «армянской царевной», на основе изысканий иранских литературоведов, убеждаемся, что Ширин никакого отношения к армянам не имеет.

А слово «армен» («əртəп») на азербайджанском означает «я воин», «я богатырь» и также никакого отношения к армянам не имеет.

Можно привести несметное количество подобных примеров, подтверждающих, что в творчестве Низами красной нитью проходит тема любви к тюркским корням, первоистокам, к тюркству.

И все эти примеры явно доказывают тюркско-азербайджанское происхождение Низами.

Низами широко использовал в сочинениях мифические, религиозные, фольклорные источники и исторические события, летописи. Он достаточно хорошо знал хроники прошлого и современную ему жизнь тюрков-огузов и тюрков-кыпчаков.

Читая «Хамсе», приходим к выводу о том, что Низами, безусловно, имел представление и о тюркском каганате, поддерживающем в древнюю эпоху политические, экономические и культурные отношения с Ираном, Византией и Цинской империей.

Несомненно, поэт был хорошо знаком и с непревзойдённым тюркско-азербайджанским эпосом «Китаби-Деде Горгуд».

До Низами об Алп Эр Тонга писали Махмуд Кашгари в своём труде «Дивани-лугат-ит-тюрк» и Юсуф Баласагунлу в дидактической поэме «Кутадгу билик». Кашгари называл Алп Эр Тонгу Афрасиябом, совершившим много героических походов. Иранцы и таджики Алп Эр Тонгу также называли Афрасиябом. Баласагунлу же отождествлял Алп Эр Тонгу с мифическим правителем Турана, названным в «Авесте» Франграсианом. Образ Афрасияба – Алп Эр Тонги – со временем приобретал черты тюрко-огузского эпического героя.

Прав А.Гаджиев, считавший: *«При всем тюркском пафосе «Хамсе», Низами Гянджеви – больше, чем тюркский поэт. Он – поэт не только СРЕДИННОЙ ЗЕМЛИ, он – поэт и Востока, и Запада, и Юга, и Севера».*

Б.Набиев пишет, что «высшим нравственным мерилom, кредo его (т.е. Низами – Н.Т.) было человеколюбие, гуманизм. Именно это его качество предстает перед нами, у него достаточно обширная галерея персонажей, и при всем богатстве этой картины нигде у него нет упоминания о лезгинах, нравится или не нравится это господину Кардашу, задавшемуся неблагодарной целью «вернуть» нашего классика ни о чём не подозревавшему лезгинскому народу, с которым азербайджанцев связывают многовековые узы братства и добрососедства.

В своих «открытиях» о принадлежности и происхождении Низами А.Кардаш (переводимое на азербайджанский язык как «брат», слово «кардаш» здесь приобретает совершенно новый смысл – «карадаш», т.е. «чёрный камень», слово, употребляющееся у тюрков-азербайджанцев только в отрицательном значении) изо всех сил старается сделать так, чтобы отторгнуть Низами от своей исконно тюрко-азербайджанской среды.

Мы не намереваемся углубляться далее в историю тюркского этноса, который А.Кардаш почему-то воспринимает как пришлый. Для соответствующего ознакомления оппонента с историей тюрков отсылаем его из целого моря книг по этой теме только к двум источникам – «История хазар» М.И.Артамонова и «Древние тюрки» Л.Н.Гумилева. Советуем ему посмотреть также в соответствующих словарях и справочниках, что означает топоним «Дагестан», также тюркского происхождения. Ясно видно стремление З.Ризванова и А.Кардаша, как и их единомышленников, армянских сепаратистов, предвставить весь Кавказ армянскими и лезгинскими землями.

Принимая во внимание такое доселе «невиданное открытие» лезгинских «ученых», Б.Набиев правильно замечает, что «против тюркофобии восстает его (т.е. Низами – Н.Т.) поэзия, проникнутая симпатией и любовью к тюркству, чего не наблюдалось ни у предшествующих арабских поэтов, ни у великого автора «Шахнаме»... Попытки «перетянуть» гениального художника, мыслителя, гуманиста в пантеон неазербайджанских, нетюркских творцов – не что иное, как очередной пароксизм тюркофобии, метастаз антиазербайджанской идеологии, вызывающий возмущение и горечь у всех, кому дороги духовное достояние человечества, историческая правда и объективность».

Такие «ученые», как Забит Ризванов и Арбен Кардаш, пытающиеся «анализировать» происхождение Низами, однозначно и безоговорочно принадлежащего к тюрко-азербайджанской литературе, и ставящие этот установленный факт под сомнение, их «взгляды и анализы» далеки от элементарной обоснованности. В этом случае наши давние соседи, кажется, собираются вести себя с нами не как соседи, а как враги, льющие воду на чужую, точнее, на армянскую мельницу. Поэтому считаем, что азербайджанские учёные должны резко пресекать подобные попытки, мягко говоря, некомпетентных подходов к имени и личности Низами. Ибо, как сам Низами часто выражается в своих поэмах, он всей своей плотью, телом, мыслями, мировоззрением, мировосприятием принадлежит к тюркам-азербайджанцам. И любые сепаратистские утверждения недругов о непринадлежности Низами к азербайджанской среде не смогут привести к каким-либо заметным успехам.
